

ramkah_vrns_proshli_obwestvennonauchnye_chteniya_pamyati_svyatoj_marii_yasyuni.

Духовное завещание ясской княжны // Православная Осетия. 2014. № 1 (143).

Кондратьев Д. Мария Ясыня // Православная Осетия. 2003. № 26.

Мамсуров Т. «Служить России верой и правдой, словом и делом — это великое счастье!» // Православная Осетия. 2014. № 1 (143).

Мачнев А. «На благих деяниях Марии Ясыни мы должны воспитывать молодежь // Православная Осетия. 2014. № 1 (143).

Муравлев Е., Фомичев Д. Послушник в стране Святителя Николая. Т. II. Аланский крест. М., 2015.

Славина О. Мария Ясская — княгиня русская // Горец. 2012. № 4.

Тетцоев А.В. Письмо в редакцию «Православная Осетия» // Православная Осетия. 2009. № 2 (94).

А.-М.М. Дударов

БИЛИНГВИЗМ ИНГУШЕЙ — КОНТУРЫ ПРОБЛЕМЫ

Значение языка как основного средства передачи информации в человеческом общении общепризнанно. В настоящее время наблюдается тенденция «отмирания с небывалой скоростью отдельных языков». [Гунжитова 2011:] Достаточно остро данная проблема стоит и в «многонациональной Российской Федерации, где родные языки разных народов находятся в неординарном состоянии и поэтому в неравном положении» [Албогачиева 2011: 183] Выполнение общественно-коммуникативных функций в сочетании с такими социально-демографическими параметрами, как общая численность, компактность или дисперсность расселения, уровень развития, статус в политико-административной системе государства позволяет обеспечить сохранность и развитие конкретного языка, объем выполняемых им общественных функций [Артеменко 2008: 4].

Термин билингвизм происходит от двух латинских слов: «bi» — «два» и «lingua» — «язык». Таким образом, *билингвизм* — это владение двумя языками, а *билингв* — это человек, владеющий двумя языками. Иногда термин билингв может употребляться и по отношению к человеку, владеющему и большим количеством языков — полилингву. В.П. Белянин делит полилингвизм на два вида — «национальное (употребление нескольких языков в определенной социальной общности) и индивидуальное (употребление индивидуумом нескольких языков, каждый из которых предпочитается в соответствии с определенной коммуникативной ситуацией)» [Белянин 2003: 156].

Существует несколько различных теоретических подходов к понятию билингвизма. Так, Ю.Д. Дешериев считает билингвизм свободным или простым владением двумя языками [Дешериев 1966: 402]. Схожее мнение имеет и В.А. Аврорин: «Двухязычием следует признать примерно одинаково свободное владение двумя языками, <...> когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого» [Аврорин 1972]. В словаре логопеда мы находим определение билингвизма как «одинаково совершенное владение двумя языками» [Селиверстова 2004].

Официальная статистика говорит о том, что на сегодняшний день почти 90 % ингушей владеют русским языком, а ингуши, живущие на территории РИ, находятся в «условиях ингушско-русского двуязычия» [Барахоева 2013: 32]. С позиций сегодняшнего дня можно констатировать широкое распространение билингвизма в ингушской среде.

Историю ингушского языка официально можно было разделить на два этапа: функционирование «в качестве языка коммуникации (до создания письменности)» и функционирование, как литературного языка уже после появления письменности [Барахоева 2013: 32].

Интенсивное проникновение русского языка в ингушскую среду имеет несколько исторических срезов: в первую очередь во время миграционных процессов, вызванных депортацией в 1944 г.; осетино-ингушским конфликтом 1992 г.; двумя прошедшими чеченскими войнами. В результате исторических переи-

тий ингушскому народу пришлось потерять значительную часть носителей своей культуры во время высылки, следовательно, здесь можно говорить о произошедшем сбое в цикле передачи этнокультуры из поколения в поколение. Можно говорить не только о потере одного из древнейших центров своего обитания — (современный Пригородный район и Владикавказ), а также ценных артефактов, характеризующих ингушскую культуру, хранившихся в учреждениях культуры ЧИ АССР, но и о массовом притоке беженцев — иноязычного контингента (чеченского, с которыми ингуши общаются больше на русском языке) и этнических ингушей (как правило, плохо или совсем не владевших родным языком). Сюда также можно отнести волну незначительной миграции ингушей конца 1990-х — начала 2000 годов, переселившихся на родину в связи с неоднозначным отношением, сложившимся в российском обществе по отношению к «лицам кавказской национальности».

Последствием данных трагических событий явилась тотальная засоренность ингушской речи, наблюдаемая в настоящее время. Особенно четко степень владения родной речью ранжируется в зависимости от возрастной группы. Так, самая незначительная часть лиц преклонного возраста не умеет разговаривать на русском языке. Данная категория в возрасте от 50 лет и выше лучше всех владеет родной речью и лишь изредка употребляют заимствования, переходя на русский язык только в силу необходимости.

Следующая группа — от 30 до 50 лет — владеет родной речью удовлетворительно и охотно переходят на русскую речь. Далее молодежь в возрасте от 14 до 30 лет, обладающая хорошей русской речью, при этом ингушская употребляется в силу необходимости. Часть считает изучение родного языка бесполезным занятием.

И, наконец, последняя категория — дети среднего, младшего школьного и дошкольного возраста, охваченные современной системой образования РИ, где предпочтение отдается преподаванию и воспитанию на русском языке.

Можно выделить несколько уровней проникновения русского языка в ингушскую среду. Первый и собственно самый распро-

страненный сегодня — это бытовой уровень, который включает в себя общение дома, «радио и телевидение при спонтанной речевой практике» и неосознанной специфике языковой системы. Как правило, в ингушской семье старшая возрастная группа обращается к молодым на ингушском языке, при этом как среднее поколение, так и младшее довольно часто отвечает на русском языке. Стоит отметить, что если в доперестроечное время данная ситуация была характерна в основном для городских жителей, то сегодня такую ситуацию можно наблюдать и в селах.

Второй уровень, когда проникновение русского языка происходит искусственным образом: язык осваивается в учебной обстановке с использованием различных специальных методов и приемов. Параллельно преподавание ингушского языка в республиканских школах ведется на низком уровне. Часть учебников, которыми пользуются сегодня школьники по родному языку, были разработаны еще в конце 1930-х годов, родной речи и родной литературе — в 1960–1980-х годах. Соотношение мероприятий, проводимых в образовательных учреждениях, примерно 10 % на 90 % в пользу русского языка. Практически отсутствуют красочные и содержательные в контексте национальной культуры детские издания. В большинстве своем местные литераторы склонны перенимать и тиражировать ценности европейской культуры, в связи с чем становится не престижным, да и не выгодным издавать литературу на ингушском языке. Абсолютное большинство членов Союза писателей РИ пишут свои произведения на русском языке.

Третий (официальный) уровень — массовое тиражирование русской речи ввиду отсутствия каких-либо знаний ингушского языка у большинства республиканских чиновников, а следовательно, невозможность реализовывать конституционное положение ингушского языка как государственного. Срабатывает принцип «за кем больше властных структур — у того больше возможностей утвердить свою систему коммуникации» [Албогачиева 2014: 187]. В соответствии с Конституцией Российской Федерации 1993 г. ее субъекты имеют право устанавливать на своей территории государственные языки (ст. 68) [Конституция РФ 1993], де-факто ингушский язык имеет данную возможность

в Республике Ингушетия только на бумаге. Внутренний документооборот, официальные встречи, мероприятия, конференция, совещания на всех уровнях ведутся исключительно на русском языке. Руководство парламента республики, министерств, ведомств, образовательных учреждений практически не использует ингушский язык на территории в статусе, закрепленном за ним Конституцией РФ и РИ [Конституция РИ 1994]. «Несмотря на статус государственного языка на территории республики, ингушский язык преподается в школах и университетах Ингушетии как иностранный язык» [Албогачиева 2014: 199]. В связи с уменьшением объема выполняемых ингушским языком общественных функций он сегодня находится далеко не в равном положении по отношению к русскому языку. Русско-ингушское двуязычие несет с собой постепенное вытеснение ингушского языка [Албогачиева 1994: 199]. Несколько лет назад был ликвидирован единственный Центр ингушского языка, тогда как насущной необходимостью было расширение его работы.

Засорение ингушского языка происходит и через средства массовой информации. В передачах на ингушском языке редакторы иногда пропускают речь, которую нельзя назвать ни ингушской, ни русской. Существует негласный запрет на произношение и написание фамилии на ингушском языке, следует передавать ее в русской форме (Оздой, Чурнакъъан разрешают писать только в русской форме — Оздоев, Цуров). Газета «Сердало», выходившая на родном языке с 1 мая 1923 г., сегодня на 80 % состоит из текстов на русском.

За последние четверть века в ингушской среде наблюдается тенденция сведения содержания билингвизма «к овладению русским языком без учета того, владеет ли человек своим родным языком. По существу сформировалось одноязычие — русскоязычие нерусских народов», которое воспринимается как билингвизм [Закирьянов 2001]. Позиции русского языка настолько упрочились, что происходит уверенное вытеснение родного языка не только из сфер общественно-государственной деятельности, но и из бытового общения.

Применительно к формам заимствования и способам замещения, произошедшим в ингушской речи, стоит отметить, что они

происходили как из русского языка, так и из арабского. Место малоиспользуемых слов (из бытовой, профессиональной, военной, правовой лексики) занимают термины, а иногда и целые выражения из других языков. Заимствования укореняются, обрастая вспомогательными словообразовательными формами ингушского языка. В результате происходит потеря словообразования внутри ингушского языка, через префиксально-суффиксальный состав. Происходят абсолютно неоправданные заимствования через средства массовой информации, научную, художественную и образовательную литературу. В моду вошло употребление выражений, заменяющих целые части речи. Так, полностью вышли из устного употребления ингушские числительные (хотя в литературе они присутствуют), которые заменены на числительные из русского языка.

Употребление числительных (у ингушей двадцатеричное число) осталось только у людей старшего поколения. Практически не услышишь сегодня такие ингушские слова, как «иттум» — сто рублей; «ткъаь цхайтта кийла» — тридцать один килограмм, «ши сом» — два рубля. Стоит привести примеры, которые более красочно продемонстрировали бы, насколько несуразно сегодня звучит ингушская речь:

- Фу мах ба машена? (Сколько стоит машина?)
- Пятсот тыщ (вместо “*пхи бIаьзза бIаьтум*” или “*пхи эзар сом*”).

- Фу доаккх морожнех? (Сколько стоит мороженое?)
- Двацат пят рублей.

- Кхоь ял (дайте три).
- ХIахбий, здачи двацат пят рублей дIаэц» (На, возьми сдачи двадцать пять рублей, вместо “*ши тум пхи сом*” или “*ткъаь пхи сом*”).

Сопоставляя ингушскую речь до депортации и в настоящее время, следует признать ее разительное отличие. В Казахстане «был установлен специальный режим проживания». Многие уче-

ные в области языкознания «были репрессированы или надолго изолированы от активной общественной и научной деятельности» [Албогачиева 2014: 200].

Процесс широких заимствований начался именно здесь, когда разделенный на мелкие группы ингушский народ, расселенный в северных районах, соприкоснулся с русскоязычной средой. В южные области Казахстана и Киргизию была устроена партноменклатура и лояльная к сталинскому режиму ингушская интеллигенция. Будучи детьми, пережившими депортацию, представители нынешнего старшего поколения общаются на довольно чистом ингушском языке, не засоряя ее нововведениями. Однако для них характерно незнание ингушского письма и использование отдельных русских слов в родной речи. При этом данный контингент обладает хорошими знаниями русского языка. Такая ситуация объясняется тем, что обучение в депортации проводилось на русском языке, «когда адаптация в новых и сложных условиях способствовала тому, что оказались забытыми многие обычаи, предания, песни, легенды, народные промыслы и народная медицина» [Албогачиева 2014: 197], а ингушской речью приходилось пользоваться лишь в семье и среди малочисленных групп соплеменников. Усвоивших в депортации русский язык следует относить к билингвам, когда владение обоими языками было на достаточно хорошем уровне, хотя ингушской письменностью они и не владели. Часть из них можно назвать и полилингвами, так как они хорошо владели казахским, киргизским, немецким, украинским языками.

Начиная с конца 50-х — начала 60-х годов XX в. наблюдается улучшение ситуации с изучением родного языка поколения, родившегося после 1950-х годов. Это «привязано» к местам компактного проживания ингушей в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, где были разные условия обучения родному языку. Так, в Назрановском районе сложилась положительная динамика в связи с проводившимися в местных школах уроками ингушского языка. Население района в основном занималось сельским хозяйством и, хотя де-юре он и относился к ЧИ АССР, де-факто Назрановский район был сырьевым придатком сельхозпродуктов для г. Орджоникидзе. В ингушской среде сложились даже пословицы на эту тему:

«ГалгIаша Бурув кхоаб, Бурос хIирий кхоаб» — «Ингуши кормят Бурув (Владикавказ), а Бурув кормит иронов»; «ГалгIаша Буро тIа жай хъажIаи кхухь, юа цIа чкъаьрей чIоркаши кхухь» — «Ингуши возят в Бурув овец и кукурузу, а домой рыбу и бублики»; «ГалгIаша дезала оасар Iомаду, хIираша дешар Iомаду» — «Ингуши учат детей прополке, осетины — знаниям».

Ингуши — жители Пригородного района, несмотря на то что с конца 50-х годов прошлого века находились в мононациональных анклавах, обладали правильной устной речью. Отсутствие преподавания в школах Пригородного района ингушского языка¹ компенсировалось возможностью постоянного внутреннего общения. К факторам, повлиявшим на такое состояние устной речи, следует отнести и занятие местного населения в основном сельским хозяйством, разведением скота, сбором черемши, т.е. традиционными формами хозяйствования, а также некую социальную изолированность от других этнических групп. Подавляющее большинство ингушей Пригородного района не владели навыками чтения на родном языке.

В части селений Сунженского района, расположенных по Ассинскому ущелью (Галашки, Датгых, Мужичи, Алкун), где ингуши жили компактно и в школах велось преподавание родного языка, степень бытования правильной ингушской речи следует соотнести с Назрановским районом. В плоскостных же населенных пунктах Сунженского района и в г. Карабулак возвратившиеся из депортации ингуши жили в соседстве с русским населением. Очень долгое время здесь не велось преподавание ингушского языка в школах, в результате чего большая часть населения не владеет навыками чтения и письма на ингушском языке.

Специфическая ситуация с владением ингушским языком сложилась в Малгобекском районе. Так, в с. Верхние, Средние и Нижние Ачалуки, Инарки, Сагопши ее можно оценить как удовлетворительную. К этому списку стоит отнести и с. Новый Редант, образовавшееся в конце 50-х годов XX в. из жителей

---

¹ После известных событий в 1982 г. во Владикавказе, ингушский язык с 1983 г. был введен во всех местах компактного проживания ингушей в Осетии, кроме Ахки-Юрт (Сунжа).

с. Ахки-Юрт и Ангушт Пригородного района, а также появившееся здесь в 1990-е годы новое село Зязиков-Юрт. В селах же, расположенных по Малгобекскому хребту, преподавание родного языка долгие годы после возвращения из депортации не велось. Основной контингент здесь также не умеет читать и писать на родном языке. Такая же ситуация обстоит и в г. Малгобек.

Применительно к беженцам из ингушей Владикавказа и Грозного следует провести ранжирование в зависимости от возраста: так, к хорошо владеющим ингушским языком следует отнести ингушей в возрасте старше 50 лет. При этом данная группа отдает предпочтение в разговоре с собеседником-ингушом русскому языку. Большая часть тех, кто моложе 50 лет, с трудом изъясняется на ингушском языке и не знает ингушской грамоты. Часть данной категории людей иногда выказывает пренебрежение к родной речи. Характерна ситуация, когда во время общения этнических ингушей друг с другом замечаются только ошибки, сделанные на русском языке, при этом ошибки, совершенные в ингушской речи, не замечаются. Приходится констатировать факт нежелания некоторых родителей, чтобы их дети изучали родной язык в школах.

Специфическая ситуация складывается со знанием ингушского языка в зарубежных ингушских диаспорах и национальных сообществах различных регионов России. В основной своей массе эти люди, обладая минимумом знаний по ингушскому языку / письму / речи, демонстрируют серьезную заинтересованность в наращивании знаний родного языка. И это несмотря на то, что бытовое общение происходит на русском языке, а в школах нет специализированных классов или других возможностей для изучения родного языка.

Тенденция засорения ингушского языка имеет некоторые особенности. Например, если до депортации ингуши говорили: «Цхъа г'ат лакхе хьалт'авала» («Поднимись на один этаж»), то сегодня данная фраза может иметь несколько разновидностей передачи:

- Цхъа *этаж* лакхе хьалт'авала (старшее поколение).
- *На один этаж* хьалт'авала (среднее поколение).
- *На один этаж подняться* де (в основном молодежь и те, кто плохо владеет ингушской речью).

Другой пример:

— Цу таках д'авахача аьттехьа босе д'айолалу — По этой тропинке если идти дальше, то справа начинается склон.

Возможные варианты засорения:

- Цу *тропинках* д'авахача *направо* босе д'айолалу.
- По *тропинке* д'авахача *справа* склон д'айолалу.
- По *тропинке* д'авахача *справа* склон *начинаться* ду.

Плачевно, что сегодня собеседника не волнует качество услышанной в ответ речи. Употребление иноязычных сочетаний, целых предложений принимается как должное. Если еще в первые постсоветские годы можно было услышать в ответ на засоренную ингушскую речь, произнесенную женщиной-ингушкой, сравнение ее с «моаташкь» — матушка («Моаташко мо г'аскхий мотт ма бувций цо-м» — «Она говорит на русском, как моаташкь»), а в отношении мужчины — с «г'аскхе» — русский («Д'аваккхал д'а, ший массаза бувца г'аскхий мотт т'ехьа!» — «Да ну его, со своей постоянной русской речью!»), то сегодня такое осуждение практически отсутствует. Иногда про собеседника, имевшего привычку в ингушской среде постоянно говорить на русском языке, допуская значительное количество ошибок, говорили: «Говр г'аскхий мотт бувц цо» — «Он разговаривает на лошадином русском языке»).

Применительно к арабизмам основным контингентом, привносящим их в ингушскую речь, являются ученые-алимы. Владея арабской речью, они еженедельно на пятничных молитвах обращаются к прихожанам с религиозными нравоучениями на ингушском языке. Слушающие проповеди невольно запоминают используемые лектором арабские слова и часто, не пытаясь найти им эквивалент в родном языке, начинают их употреблять. Приведем несколько примеров таких арабизмов с их ингушскими эквивалентами:

Ибадат (араб.: *عبادة*) — тек'ям (инг) — поклонение (русс.);
рукн (*ركن*) — Юверзар — поясной поклон в намазе;

сужд (سجود) — корттохар — земной поклон в намазе;

рамзан (رمضان) — мархибутт — месяц обязательного поста в исламе (отдельно термин *марх* еще в XIX — в первой половине XX в. употреблялся в двух значениях: месяц и пост);

китаб (كتاب) — жей — книга (сегодня употребляется только в значении мусульманской религиозной книги);

Илм (علم) — хар — знание (термин в прямом значении не используется, хотя в языке еще и сохранился при косвенной передаче его: «Из хайрий хьона?» — «Ты владеешь знанием об этом?»);

воахьи (وحى) — доссадаър — ниспосланное (термином пользуются лишь в религиозных текстах и в отношении значимого лица, например: «Устаз коа вессар» — «Устаз прибыл во двор», или «Аьлий бессаб» - «Князья прибыли»);

гIалам (غلط) — галвалар — ошибка (термином используются редко);

сабар (صبر) — тем — терпение, выдержка, спокойствие, самообладание (употребляется в редких случаях и только людьми пожилого возраста);

рузкъа (رزق) — доахни — богатство (некоторые алимы старшего поколения до сих пор употребляют термин доахни);

тоба (توبة) — дехкевалар — просить прощения у Аллаха;

параз (فرض) — декхар — обязанность.

Присутствует и ряд составных словоформ из арабской и ингушской основ:

Иаламсаг — дийшасаг — ученый религиозных наук, алим (состоит из араб.: *Иалам* и инг.: *саг* (человек).

Илманхо — светский ученый (араб.: *Илм* и инг.: *-хо* (суффикса лица).

Следует отметить, что основным путем проникновения ислама в ингушскую среду был Дагестан. Именно с этим связана замена звука «Ф», имеющегося в ингушском и в арабском языке, на звук «П», который обычно употребляется в чеченском и дагестанских языках вместо «Ф». В силу этого арабизмы с данным звуком, перешедшие из дагестанских языков прямо или посредством чеченского языка, ингуши произносят через «П», несмотря на его

наличие в ингушском языке. Например: «*пана*», *параз*, *парлато*, *пасикъ*» и т.д. Но в последнее время произношение звука «Ф» возвращается, что скорее следует связывать с мусульманским образованием, проводящимся сегодня ингушами-алимами.

Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что повсеместное использование русского языка приобрело угрожающие масштабы для ингушской устной речи и письма. Воспринимая болезненно сложившуюся ситуацию, население объясняет ее следствием преднамеренных действий. При обсуждении этой проблемы на бытовом уровне часто можно услышать такие слова: «Даъра, Ёаьдала дезаре иштта толха-м бергбацар гАлгАй мотт» — «Если бы власть желала, то язык настолько не испортился бы»; «Вай къам ца дезаш мо мара, вай мотт бецац» — «Как не любят наш народ, так не любят и наш язык»; «Вай Ёаьдал цАакха а ший къамангахъа хиннадац» — «Наша власть (имеется в виду региональная) никогда не стояла на стороне своего народа»; «Вай хъакимашта вай мотт беца-м бецац» — «Нашим чиновникам наш язык не нужен».

Соответственно, незнание родного языка или частичное его знание чиновничьим аппаратом создает прецедент недоверия, отчуждения.

Население еще больше утверждает в своем мнении при просмотре телепередач, транслируемых из соседних республик. Так, стало обыденным выражение: «Цар-м дика вАшт Iехъа доал, шой мотт лебе а из лорабе а, укхазавай мала веннав мича хов сона!» — «У них хорошо получается, и разговаривать, и беречь свой язык, а здесь я не знаю, кто у нас умер — непонятно?» Данная аллегория «укхазавай мала веннав?» ингушами употребляется при сильном разочаровании.

Таким образом, ингушский язык, являясь одним из определяющих элементов существования этноса, в настоящее время требует не столько пристального внимания со стороны научного сообщества и органов власти, сколько настоящего возрождения, ибо «без специальной государственной поддержки в виде обязательных квот его присутствия в тех или иных сферах ингушский язык через одно-два поколения утратит реальную коммуникативную функцию и превратится в мертвый язык» [Албогачиева

2014: 201]. Это приведет не только к потере ингушского языка, но и к исчезновению ингушского народа как этноса.

В сегодняшней ситуации, когда ингушский народ имеет свою государственность, ингушский язык де-юре является государственным, есть все условия для принятия стратегических решений по этой проблеме. «Пока будут доминировать в последующих поколениях так называемые полуговорящие ингуши, само существование ингушского языка и культуры находится в опасности полного исчезновения. Прекращение развития языка будет означать потерю не только для ингушей, для которых язык и культура являются национальными сокровищами и связью с их историей и землей, но и потерю для всего человечества, так как ингушский язык — научное и историческое достояние» [Николс 2005].

Большинство языков Северного Кавказа ЮНЕСКО в «Атласе языков, находящихся под угрозой исчезновения» определило как исчезающие. Так, к числу вымирающих относятся языки горских евреев, джухури, адыгейский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский и многие другие языки [Atlas 2010]. Наукой признан факт вымирания языка при отсутствии его носителей, равно как этнокультуры и самого этноса. Как только социальная активность носителей языка сводится на нет, язык вымирает. Несмотря на столь плачевное состояние ингушского языка, сегодня еще есть возможность изменить ситуацию в лучшую сторону.

Библиография

- Аврорин В.А.* Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
- Албогачева М.С.-Г.* Язык как атрибут власти в контексте ингушско-русского билингвизма // Символы, атрибуты и образы власти. СПб., 2014.
- Артеменко О.И.* Полиэтничность России: Государственная образовательная и языковая политика // Вестник образования. Тематическое приложение. 2008. № 2.
- Барахоева Н.М.* Ингушский язык // Ингуши. М., 2013.
- Белянин В.П.* Психолингвистика. М., 2003.
- Гунжитова Г.-Х.Ц.* Государственная политика в России на современном этапе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Улан-удэ, 2011.

Дешериев Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

Закирьянов К.З. Уроки русского языка в лингафонном кабинете. М., 2001.

Конституция Российской Федерации. М., 1993.

Конституция Республики Ингушетия. Назрань, 1994.

Селиверстова В.И. Понятийно-терминологический словарь логопеда. М., 2004.

Николс Д. Состояние ингушского языка // <http://www.doshdu.ru>].

Atlas of the World's Languages in Danger. 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing /Moseley, Christopher (ed.). 2010. /Online version: <http://www.unesco.org/culture/en/ endangered languages / atlas>. Atlas of the World's Languages in Danger 2010.

В.Ю. Крюкова

ПРАЗДНОВАНИЕ НОВРУЗА В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Ноуруз (перс., туркмен. *Новруз*), празднуемый в день весеннего равноденствия, на протяжении многих веков являлся днем начала нового года в Иране и до сих пор отмечается в странах, испытавших иранское влияние. Тем не менее истоки и происхождение этого праздника не столь очевидны. По крайней мере, в дошедших до нас авестийских и других древнеиранских источниках нет упоминаний о Ноурузе, а предназначение дворцового комплекса в Персеполе для совершения царских ритуалов в день весеннего равноденствия является лишь гипотетическим и принято не всеми исследователями [Shahbazi 2004: 11–12]. Само слово впервые засвидетельствовано в пехлевийской литературе: среднеперсидское *nōg rōz* (*nwk rwc*, <Ав. **navaka-raocah-*) [Boyce, Nowruz] соответствовало современному персидскому *nōwrōz* «новый день», в то время как авестийский прототип **navaka-raocah-* должен был означать «новый свет». М. Бойс вслед за В. Айлерсом отмечала, что в древности для обозначения начала